

УДК 316.36 (045)

М.А. Рябов

СУБЪЕКТНОСТЬ В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ТОПОЛОГИИ

Рассматривается возможность преодоления постмодернистской критики целостности социальной реальности.

Ключевые слова: социальная топология, субъект, сингулярность, топос, объективация, социальное тело.

На современном этапе развития социальной теории возникает проблема конструирования такого порядка общественного устройства, который отвечает двум основным критериям:

- представлению общественного устройства через множественность локальных социальных порядков;
- сохранению единства общественного порядка.

Необходимость соответствия первому критерию связана с кризисом субстанциональной парадигмы изучения общества. В рамках этой парадигмы социальный порядок предстает как прочно установленный, объемлющий все общество без изъятия и стабильно воспроизводимый во времени. Кризис данного представления в первую очередь связан с критикой, развернутой в концепции постмодернизма. В конструкциях Ж. Делеза и Ж. Бодрийера достигается предел субстанциональной парадигмы вследствие обнаружения локальности и подвижности социальных дискурсивных практик, необходимости предъявления социального порядка в изменениях комплекса социальных отношений. Основная проблема, возникающая в дифференцированной подобным образом системе, – это исчезновение социального субъекта, потеря смысла социальной реальности.

В основе решения данной проблемы лежит применение социально-топологического подхода, который позволяет рассматривать социальную реальность как динамическую связную структуру пространства социальных топосов.

Проблема объективации социального поля в своем основании содержит тезис «смерти субъекта», развиваемый философами постмодернизма. По мнению А. Рено, существуют две главные интеллектуальные предпосылки критики идеи субъекта – тематика бессознательного и тематика конечного.

Тема бессознательного в различных своих формах направлена на критику положения о прозрачности субъекта для самого себя. В эту тематику входит и утверждение неустранимости внешнего характера нашей психики в отношении сознания (психическое бессознательное), и подчеркивание манипуляции нашим сознанием или его обусловленность коллективными силами, контроль над которыми ускользает от самого сознания (социальное бессознательное), и определение как неустранимого «различия» (или «различения»)

основного свойства реальности, которое неуловимо для идентифицирующих представлений сознания (онтологическое бессознательное). Как отмечает А. Рено, «по сравнению с упорным утверждением раздробленности субъекта и его неспособности совпасть с самим собой настаивание на тождественности самому себе, которое управляет саморефлексией субъекта, может быть сведено тогда к простой метафизической иллюзии, которую опрокидывают откровения бессознательного» [11. С. 16,17].

Развивая тему конечного, А. Рено подвергает критике свободу субъекта как его способность к самоположению. Выступая против амбиции представить человека «как господина и собственника природы», против претензии разума достичь абсолютного знания, современные философы начинают с акта признания полной, предельной конечности нашего знания и наших возможностей в отношении реального.

Представление о социальном бессознательном активно развивалось в концепции сексуальности М. Фуко. Дискурс сексуальности появляется как воля к знанию (истине) о сексуальном. Волею М. Фуко понимает в ницшеанском смысле, как волю к власти. Поэтому дискурс сексуальности оказывается дискурсом власти. В процессе дискурса субъект сексуальности исчезает, становясь объектом исследования.

Как утверждает М. Фуко, дискурс власти вскрывает недостаточность техник подчинения индивида. Новый ход власти – акцент на техники себя (как называет их М. Фуко). «В чем я мало-помалу отдал себе отчет, так это в том, что во всех обществах существуют и другого типа техники: техники, которые позволяют индивидам осуществлять – им самим – определенное число операций на своем теле, душе, мыслях и поведении, и при этом так, чтобы производить в себе некоторую трансформацию, изменение и достигать определенного состояния совершенства, счастья, чистоты, сверх-естественной силы. Назовем эти техники техниками себя. ... В каждой культуре, мне кажется, техника себя предполагает серию обязательств в отношении истины: нужно обнаруживать истину, быть озаренным истиной, говорить истину» [12. С. 431].

Из стремления к самопознанию возникает воля к истине о сексуальном, которое проявляется как принуждение к говорению о сексуальном. Основным способом говорения становится признание. Возникает широкий спектр практик признания: церковная исповедь, медицинское исследование сексуальных отклонений, расследование преступлений на сексуальной почве и т. д.

Конструирование дискурса сексуальности есть форма проявления власти. В рамках этого дискурса субъект говорения становится объектом познания и соответственно объектом власти: «...все они являются коррелятами вполне определенных процедур власти. Не следует думать, что все эти вещи, до поры до времени терпимые, привлекли к себе внимание и получили уничижительную оценку тогда, когда ролью регулятива захотели наделить тот один-единственный тип сексуальности, который способен воспроизводить рабочую силу и форму семьи. Эти многообразные поведения на самом деле были извлечены из человеческих тел и из их удовольствий; или, скорее, они в них отвердели; с помощью многообразных диспозитивов власти они были

призваны, извлечены на свет, обособлены, усилены и воплощены» [12. С. 148]. Сексуальность есть опыт, но опыт не субъекта, а субъективации, складки на поверхности социального тела.

Организирующим принципом социального бытия становится власть, которая посредством элиминации субъекта выстраивает социальный порядок. Критически развивает этот способ определения социального бытия Ж. Бодрийяр. Выход на предел системы М. Фуко позволяет ему выявить заключенное в ней противоречие. «Пустота – вот, что скрывается за властью или в самом сердце власти и производства, пустота сообщает им сегодня последний отблеск реальности. Не будь того, что делает их обратимыми, уничтожает, совращает, у них никогда не было бы силы реальности». И в то же время «власть хочет быть необратимой, как стоимость, и, так же как стоимость, кумулятивной и бессмертной, – она разделяет все иллюзии реального и производства, она хочет принадлежать строю реального и таким образом ниспровергается в воображаемое и превращается для самой себя в суеверие» [2. С. 73-74].

В качестве одного из основных для построения своей критической системы Ж. Бодрийяр использует понятие соблазна. Использование этого понятия позволяет отказаться от классического типа организации культурного пространства, в основу которого положено представление о субъекте-мужчине. Соблазн снимает оппозицию мужского и женского и выстраивает другую: «соблазн – производство». Производство направлено на «очеловечение» внешних факторов, то есть производство – это движение к бытию. Соблазн имеет обратную направленность: он выводит социальное бытие к пределу. Здесь заканчиваются линейные процессы господства, подчинения, овладения и т.п.

Но, используя понятие соблазна, Ж. Бодрийяр доводит до предела само это понятие: соблазн – знак тайного, отсылка к невозможному, символическая реальность. На своем пределе соблазн оказывается порнографией, сверхобозначением или избытком значения. «Обманка отнимает одно измерение у реального пространства – в этом ее соблазн. Порнография, напротив, привносит дополнительное измерение в пространство пола, делает его реальней реального – потому соблазн здесь отсутствует» [3. С. 68].

На основании этого Ж. Бодрийяр критикует попытку М. Фуко представить современную сексуальность как новый порядок власти и соответствующим образом определить социальную структуру.

В интерпретации Ж. Бодрийяра сексуальность может быть представлена в форме стратегии соблазна, которая заключается в постоянном смещении, отклонении истины пола: «играть – не кончать», и в форме сексуальной стратегии, которая имеет «близкую и банальную цель – наслаждение, поскольку это непосредственная форма исполнения желаний» [3. С. 59]. Соблазн у Ж. Бодрийяра совпадает с женственностью, которая противостоит мужскому, «точнее, мужскому как глубине противостоит даже не женское как поверхность, но женское как неразличимость поверхности и глубины. Или как неразличенность подлинного и поддельного» [3. С. 40]. Таким образом, соблазн, женственность являются собой предел желания, мужественности. Муже-

ственность становится таковой, только определяя себя через женственность. Желание становится определенным лишь при встрече с соблазном.

Таким образом, исчезает один из основополагающих моментов осуществления власти: исчезновение соблазна знаменует исчезновение порядка символического. «Мы сделали, захотели сделать секс необратимой инстанцией, так же как и власть, а желание – силой, необратимой энергией... Ибо мы, в соответствии с нашим воображаемым, видим смысл лишь в том, что необратимо: накопление, прогресс, рост, производство, стоимость, власть и само желание – процессы необратимые» [2. С. 75]. Власть же, по Ж. Бодрийяру, не может обходиться без того, что продуцируется порядком символического – соблазна, совращения. «Власть осуществляется согласно обратимому циклу совращения, вызова и уловки... И если власть не может обмениваться таким образом, то она просто-напросто исчезает» [2. С. 72]. Власть, по словам Ж. Бодрийяра, производит реальное, все больше и больше реального, пока не доходит до собственного предела и не исчезает сама. Освобождение секса, освобождение производства, заключает Ж. Бодрийяр, ведет к исчезновению их пределов. Все становится сексуальностью, все – производством. Социальный порядок, который выстраивается властью, на своем пределе обращается в хаос, в ничто. Социальность теряет всякий смысл.

Таким образом, как отмечает О.Н. Бушмакина, через полную объективацию субъективности до предела возможность говорения субъективности на языке тела. «Дальнейшее говорение оказывается невозможным. Совпадение сексуальности с фигурами языка адекватно полной объективации смысла, когда все пространство внутреннего выворачивается во внешнее через пустое место, которое освобождает говорящий субъект» [7. С. 124]. Полное овнешнение социального тела представляет его как поверхность. Такое тело, лишенное глубины, можно представить как тело без органов.

Концептуализация этого понятия была произведена Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Понятие тела без органов возникает в их системе из тождества производства и продукта. Это тождество, как пишут Ж. Делез и Ф. Гваттари, образует третий термин в линейной серии, как бы огромный недифференцированный объект. «Тело без органов непродуктивно, но оно, тем не менее, производится на своем месте и в свое время в процессе коннективного синтеза, производится в качестве тождества производства и продукта» [9. С. 15].

Тело без органов – предельное понятие для производства и продукта. Ж. Делез и Ф. Гваттари представляют его как поверхность, на которую ведется запись. «Именно об этом теле говорит Маркс: это – не продукт труда. Но он появляется как его естественная или божественная предпосылка. Оно не удовлетворяется противостоянием производительным силам как таковым. Оно обрушивается на производство, составляет поверхность, на которой распределяются силы и агенты производства, так что в результате оно овладевает прибавочным продуктом и приписывает себе процесс в целом и его части, которые теперь как бы вытекают из него как из некоей квазипричины... Короче, социус как полное тело образует поверхность, на которую записывается – и из которой, по-видимости, вытекает любое производство» [9. С. 23]. Лишь

на поверхности записи можно зафиксировать что-либо, относящееся к порядку субъекта, в данном случае к порядку производства, причем запись происходит через расстановку продукта.

Развивая данную концепцию, Ж. Делез вводит понятие сингулярности, которое служит для обозначения новых порядков, выстраиваемых на поверхности тела без органов. Сингулярности – это «поворотные пункты и точки сгибов; узкие места, узлы, преддверия и центры; точки плавления, конденсации и кипения; точки слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности. Однако такие сингулярности не следует смешивать ни с личностью того, кто выражает себя в дискурсе, ни с индивидуальностью положения вещей, обозначаемого предложением, ни с обобщенностью или универсальностью понятия, означаемого фигурой или кривой. Сингулярность пребывает в ином измерении, а не в измерении обозначения, манифестации или сигнификации. Она существенным образом до-индивидуальна, нелична, аконцептуальна. Она совершенно безразлична к индивидуальному и коллективному, личному и безличному, частному и общему – и к их противоположностям. Сингулярность нейтральна. С другой стороны, она не "нечто обыкновенное": сингулярная точка противоположна обыкновенному» [8. С. 80]. По мнению Ж. Делеза, теория сингулярных точек позволяет выйти за пределы синтеза личности и анализа индивидуального как они существуют (или производятся) в сознании, перейдя, соответственно, к посредству телесности.

Основной идеей здесь является замена сущностей на события как потоки сингулярностей. Некое существование предъясняется на поверхности тела в качестве прямой линии, прочерченной случайной точкой. Сингулярные точки каждого события распределяются на этой линии, всегда соотносясь со случайной точкой, которая бесконечно дробит их и вынуждает коммуницировать друг с другом, и которая распространяет, вытягивает их по всей линии.

Источником сингулярностей является то, что не выступает ни как индивидуальное, ни как личное, поскольку сингулярности занимают бессознательную поверхность и обладают подвижностью и имманентной способностью само-воссоединения. При этом, не будучи ни индивидуальными, ни личными, сингулярности заведуют генезисом и индивидуальностей, и личностей.

Благодаря способности к само-воссоединению, сингулярности-события организованы в систему, которую Ж. Делез называет «метастабильной». Эта система наделена потенциальной энергией, распределяющей различия между сериями сингулярностей. Сингулярности блуждают по поверхности тела. И точно так же, как сингулярности-события не занимают поверхность, а лишь возникают на ней, поверхностная энергия не локализуется на поверхности, а лишь участвует в ее формировании и переформировании.

Поверхность – это местоположение смысла: знаки остаются бессмысленными до тех пор, пока они не входят в поверхностную организацию, обеспечивающую резонанс двух серий сингулярностей. Но такой мир смысла еще не содержит ни единства направления, ни общности органов. Для этого, как пишет Ж. Делез, требуется рецептивный аппарат, способный осуществить последовательное наложение плоских поверхностей в соответствии с

другим измерением. Далее, отмечает он, «такой мир смысла с его событиями-сингулярностями наделен и столь существенной для него нейтральностью. Она обеспечена не только тем, что он как бы парит над измерениями, в соответствии с которыми будет организован, чтобы обрести сигнификацию, манифестацию и денотацию, но также и тем, что он парит над актуализациями своей потенциальной энергии, то есть над осуществлением своих событий, которые могут быть как внутренними, так и внешними, как коллективными, так и индивидуальными – в зависимости от поверхности контакта, нейтральной поверхности предела, устраняющей расстояния и гарантирующей неразрывность обеих сторон» [8. С. 80]. Вследствие этого мир смысла имеет проблематический статус: сингулярности распределяются в собственно проблематическом поле и возникают на этом поле в виде топологических событий, к которым неприменимо никакое измерение.

Данное представление о порядках сингулярностей позволило Ж. Бодрийяру разработать концепцию конца социального. Социальное, считает он, существовало как связное пространство, основание реальности. «Социальное отношение, производство социальных отношений, социальное как динамическая абстракция, место конфликтов и противоречий истории, социальное как структура и как ставка, как стратегия и как идеал – все это имело смысл, все это что-то значило» [1. С. 92]. Но вместе с тем в качестве власти, в качестве труда, в качестве капитала оно имело смысл только в пространстве перспективы рационального размещения, в пространстве, ориентированном на некую идеальную точку схождения всех линий, которое является также и пространством производства. В терминологии Ж. Бодрийяра оно имело смысл исключительно в пределах симулякров второго порядка. Сегодня, утверждает Ж. Бодрийяр, оно поглощается симулякрами третьего порядка и потому умирает.

На смену перспективному пространству социального приходит социальность контакта, множество временных связей, в которые вступают «миллионы молекулярных образований и частиц, удерживаемых вместе зоной неустойчивой гравитации и намагничиваемых и электризуемых пронизывающим их непрекращающимся движением» [1. С. 93].

Распадаясь на множество сингулярностей, социальное теряет собственный смысл и исчезает. Поверхность, на которую социальность вела запись, оказывается массой, «молчаливым большинством». Избежать распада социального пространства на отдельные сингулярности и его последующей элиминации возможно, рассматривая его как топологически сконструированную поверхность. В этом случае различные сингулярности можно было бы рассматривать как специфические модусы поверхности социального бытия – топосы.

Концепция социальной топологии во многом опирается на систему, разработанную П. Бурдьё. Основополагающая идея, общая для этих концепций, – существование внутреннего как внешнего или как объективированной субъективности, обнаруживающей себя через пространственные конфигурации. Социальное тело, как отмечает О.Н. Бушмакина, оказывается здесь границей, через которую осуществляется переход внешнего во внутреннее, то есть осуществляется самоопределение социального как целое. В то же время

социальное тело оказывается и такой границей, которая позволяет выразить все внутреннее через внешние диспозиции или пространственные порядки. В целом этот процесс представляет собой замкнутую операцию «вхождения-выхождения-вхождения», которая предполагает объективацию субъективного и возвращение к субъективности через саморефлексию процесса вхождения-выхождения» [7. С. 120].

Это движение организуется в системе П. Бурдье посредством понятий «габитус» и «поле», которые представляют собой два состояния социального. По словам П. Бурдье, «движущей причиной исторического действия, действия художника, ученого или правителя, равно как и рабочего или мелкого чиновника, является не субъект, который бы лицом к лицу сталкивался с обществом как с объектом, конституированным извне. Эта движущая причина заключена не в сознании и не в вещах, но в связи между двумя состояниями, т.е. истории, объективированной в вещах в форме институтов, и истории, воплощенной в телах в форме системы устойчивых диспозиций, которую я называю габитусом» (цит. по [10. С. 45]). Таким образом, главным механизмом производства социального мира, как указывает Ф. Коркюф, является у П. Бурдье «встреча габитуса и поля», «свершившейся истории тела» и «свершившейся истории вещи» [10. С. 45].

Габитус – это «система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации» [4. С. 6]. Эти диспозиции приобретаются агентом в результате опыта практической деятельности и меняются в зависимости от места и времени.

Диспозиции есть, по сути, склонности воспринимать, чувствовать, поступать и мыслить определенным образом, чаще всего бессознательно интериоризированные и инкорпорированные каждым индивидом вследствие объективных условий его существования и его социальной траектории. Эти диспозиции устойчивы, так как они, хотя и способны изменяться в процессе опытов агента, глубоко в нем укоренены, и в силу этого пытаются сопротивляться изменению, проявляя тем самым определенную преемственность в жизни личности. Они переносимы, так как диспозиции, приобретенные в ходе определенных опытов, оказывают воздействие на другие сферы опыта. Это самый первый элемент единства личности. Поскольку же диспозиции стремятся объединиться, они образуют систему.

Габитус призван давать множество ответов на различные встречающиеся ситуации, исходя из ограниченной совокупности схем действия и мышления. Габитус воспроизводится тогда, когда личность сталкивается с привычными ситуациями. Однако при встрече её с незнакомыми ситуациями габитус оказывается способен к инновациям, вследствие того, что специфическим образом комбинирует в себе определенное разнообразие социальных опытов.

Но, как отмечает Ф. Коркюф, «для Пьера Бурдье единство и устойчивость личности, в принципе действующей в соответствии с габитусом, не являются тем единством и той устойчивостью, которые сознательно и ретро-

спективно представляются самой личностью и которые социолог называет "биографической иллюзией". Они суть единство и устойчивость, в самом широком смысле бессознательные и реконструируемые исследователем (в зависимости от места в пространстве социальных классов, от занимаемых институциональных позиций, накопленного опыта внутри различных полей и т.д., а следовательно, также и от пройденной социальной траектории)» [10. С. 46].

Поле есть «структурированное пространство позиций (или точек), свойства которых определяются их расположением в этом пространстве и которые можно анализировать независимо от характеристик тех, кто их занимает» [5. С. 46]. Социальное поле у П. Бурдьё – это, по сути, топологическая структура. Именно с этой точки зрения он рассматривает институты – не в качестве субстанций, но с точки зрения отношений как конфигурации отношений между индивидуальными и коллективными агентами. Действуя, агенты преследуют свои интересы, и поле, таким образом, является полем сил – оно отмечено неравномерным распределением средств и, следовательно, соотношением сил между доминирующими и доминируемыми и одновременно полем борьбы – в нем социальные агенты сталкиваются между собой, чтобы сохранить или изменить это отношение сил. Согласно П. Бурдьё само определение поля и установление его границ (вопрос о том, кто имеет право на участие в поле и т.д.) может быть составной частью этой борьбы, что отличает данное понятие от обычно более закрытого понятия «система». Каждое поле отмечено отношениями конкурентной борьбы между его агентами, несмотря на то что участие в игре предполагает хотя бы минимум их договоренности между собой относительно существования поля.

Каждое поле характеризуется специфическими механизмами капитализации свойственных ему легитимных средств. Таким образом, согласно П. Бурдьё, существует множество различных капиталов (культурный капитал, политический капитал и т.д.). Соответственно социальное пространство рассматривается как многомерное, состоящее из множества автономных полей, каждое из которых определяет специфические способы доминирования. То, что П. Бурдьё называет полем власти, является местом, где соединяются различные поля и капиталы: это точка, в которой сталкиваются агенты, занимающие доминирующее положение в различных полях, это «поле борьбы за власть между обладателями различных форм власти» (цит. по [10. С. 50]). В своей концепции П. Бурдьё пытается избежать дихотомии производства и продукта, заменяя принцип производства принципом власти. Взамен экономической системы на передний план анализа выходит политическая система.

Движение интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего осуществляется в системе П. Бурдьё в качестве практики. «Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем встречается в социальном мире» [6. С. 17]. Практика – это взаимоотношения агентов в процессе деятельности. Практика осуществляется агентом, но структурой, порождающей практику, является инкорпорированный агентом габитус. В свою очередь габитус усваивается агентом в практической деятельности, то есть структуры социального поля конституируют габитус посредством практики. Совокупность со-

циальных практик и образует поверхность социального тела, которая предъ-
являет, с одной стороны, ментальные процессы в изменчивости поверхности
социального тела, а с другой – трансформация поверхности социального тела
инициирует изменение социальных процессов.

Практика, осуществляемая в каком-либо поле, инвариантна любому на-
бору агентов, занимающих социальные позиции в этом поле. Свойства данной
позиции не зависят от того, какой именно агент ее занимает. Следовательно,
содержание понятия «агент» сводится к простой констатации его наличия в
социальном пространстве. Таким образом, социальный агент в системе П. Бур-
дье – это точка в социальном пространстве, точка тождества, граница габитуса
и практики. В этой точке происходит их взаимное конституирование.

Поскольку практическая деятельность осуществляется агентом, по су-
ти, бессознательно, на что указывает П. Бурдьё, говоря о возможности «пере-
ходить от практики к практике, минуя дискурс и сознание» [6. С. 143], то со-
циальный мир в системе П. Бурдьё предстает как бессубъектное, объективи-
рованное социальное пространство.

Развивая систему П. Бурдьё, топологическую структуру социального
бытия представляет Н. Шматко в концепции публичной политики. Данный
подход она называет социальной топологией. По ее утверждению, «недоста-
точность понятия "группа" заставляет нас обратиться к общим категориям,
отвечающим подходу, основанному на многомерном статистическом распе-
делении социальных различий и измерении социальных дистанций. Речь идет
о "социальной топологии" как динамической структуре пространства соци-
альных различий и о "топосе" (или "социальной позиции") как социологи-
чески конструируемой единице этого пространства. Социальная топология –
структура-гештальт, дающая исследователям адекватное видение социологи-
ческих предметов в непрерывных трансформациях. Топология социологи-
чески отражает плюрализацию социального порядка» [13. С. 15].

Социальная топология есть, во-первых, изучение инвариантных соци-
альных свойств в изменяемом пространстве многомерного статистического
распределения активных свойств индивидуальных и коллективных агентов.
Во-вторых, она представляет собой структуру, где эти свойства проявляются
в их совокупности. Н. Шматко раскрывает содержание социальной топологии
как задачу различения топосов и соответственно задачу установления их
взаимосвязи. Это позволяет исследовать «как "социальные различия", "соци-
альные отношения", "пространство-время социального мира"... так и свойст-
ва социальных позиций, практик и практических схем, взятых в их взаимо-
действии» [13. С. 15].

Плюрализация социального порядка не означает наступления хаоса в
том случае, когда она обусловлена фрагментацией социальной действитель-
ности, когда одна область неким образом упорядоченных явлений осуществ-
ляет себя, взаимодействуя с другими. Социальная действительность уже не
может быть описана как пространственно однородное и устойчивое во вре-
мени социальное тело. Она конструируется посредством разнохарактерного

множества «топосов», понимаемых как локальные социальные порядки, поддерживаемые и воспроизводимые при участии публичной политики.

Поскольку публичная политика связывает разделенное, она сама осуществляется как многообразие специфических модусов – топосов. Социальные условия возможности той или иной публичной политики включают в себя экономические, политические, институциональные, юридические и коммуникативные ресурсы. Кроме того, данные социальные условия содержат «практические схемы». Топосами в данном случае являются дискретные значения многомерного распределения социальных условий публичной политики. Топосы – структурные единицы публичной политики, обуславливающие практики входящих в них агентов. Следовательно, публичная политика может быть представлена как конфигурация отношений между топосами. При этом топос является не только специфическим ансамблем социальных условий, но и конкретной локализацией агентов публичной политики как в физическом, так и социальном пространстве.

Понятие «топос» позволяет раскрыть не только «территориальный» (отношения «центр – регион»), но и собственно социальный аспект публичной политики (отношения «общее – особенное», когда под особенным понимается конкретная социальная позиция). Социальный мир предстает в виде многомерного пространства, сконструированного в соответствии с принципами различения и распределения совокупности активных свойств индивидуальных и коллективных агентов, способных придавать им силу и власть в этом пространстве. Под активными свойствами здесь понимаются любые виды ресурсов – экономические, политические, институциональные и т.д.

Введение систем «топосов» позволяет снять многие традиционные для социологии проблемы, такие как вопрос о «социальных классах», «мультикультурализме», «политическом фетишизме» и др. При этом удастся достаточно точно и достоверно описать формирование государства, социальных движений, категорий публичной политики и пр. Социальная топология концептуализирует социальные явления через экспликацию социологических различий между ними, через установление близости (по основаниям активных свойств) феноменов, которые до этого воспринимались как весьма далекие с точки зрения здравого смысла.

Социальная топология отображает расстановку, состав, направление и способ действия социальных явлений. В целом ее можно определить в качестве такой системы подмножеств множества всех явлений социального мира, когда объединение и пересечение любого числа подмножеств будет принадлежать данной системе.

Позиции, или топосы, образующие социальную топологию, конструируются, социологией как «кванты» многомерного статистического распределения активных свойств. Они предстают перед исследователем, в том числе, как необратимые во времени последовательности явлений социального мира, близких друг к другу в пространстве распределения активных свойств. Топос формируется взаимной близостью (сходством) социальных феноменов, образующих пучок причинно-следственных рядов. Это означает, что социальные

явления, принадлежащие данному топосу, должны формировать необратимую во времени последовательность событий. Кроме того, по критериям статистического многомерного распределения активных свойств они должны быть ближе друг к другу, чем к социальным явлениям другого топоса.

Отсюда описать социальный мир – значит, выявить множество явлений и задать в нем топологию. Социологический смысл топологических структур исчерпывается социальными отношениями. Примерами топосов, или позиций социальной топологии, могут служить «средства массовой информации», «церковь», «армия», «промышленно-финансовые группы». Им соответствуют институционализованные социальные позиции, закрепленные в устойчивых, легитимных или юридически гарантированных статусах.

Каждый топос связан с неким локальным социальным порядком. В понятии «социальная топология» акцентируется то обстоятельство, что от одного топоса к другому меняется не просто «социальная дистанция», совокупность значений распределения активных свойств, а внутренняя форма и качественная специфика, присущая пространственно-временной структуре ансамблей социальных явлений, то есть «порядок». В этом плане традиционные для социологии понятия «институт» или «группа» представляют собой специфические случаи топоса, описывающие лишь стабильные предметы исследования, внутренние и внешние изменения которых прекратились.

Связь между существенными характеристиками определенных социальных и экономических условий и отличительными чертами, которые обычно ассоциируются с какой-то позицией в пространстве стилей жизни, можно объяснить действием ансамбля «практических схем». Он позволяет соединить одновременно и классифицируемые практики, и их результаты (социальные различия), и суждения, которые превращают эти практики и производимые ими социальные различия в систему отличительных признаков. Ансамбль практических схем как целостная и переносимая из ситуации в ситуацию система постоянно и повсеместно прикладывается (выходя за границы условий собственного формирования) ко всему окружению, превращая совокупность практик агента (или группы агентов) в характерный стиль жизни.

Топос не сводится к совокупности связанных с ним практических схем. Первичным для топоса является социально закрепленная за ним и независимая от воли и сознания людей объективация социальных отношений во множестве условий и предпосылок практик. Именно в силу первичности социальных отношений определение топоса не может быть подменено вычлениением практических схем агентов. Социолог может уверенно работать с практическими схемами, только если этой работе предшествует статистическое конструирование топосов: адекватно понять социальную феноменологию можно только после радикального разрыва с ней (т.е. с предпонятиями обыденного опыта) и «объективного» (статистического) анализа. Вместе с тем без привлечения «субъективного» материала (практических схем агентов, социальных представлений) объективный анализ будет таким же неадекватным, поскольку не принимается в расчет второй, субъективный, план структурирования социальной действительности.

Топос играет роль дискретного проявления континуума социальных отношений – локального социального порядка. Действительная интеграция агентов в социальные отношения осуществляется лишь в пределах топоса. Можно сказать, что, во-первых, топос представляет собой форму существования социальных отношений (каждый топос формируется пучком социальных отношений), и, во-вторых, он соединяет агентов и социальные отношения посредством «ансамбля практических схем».

Социологи стремятся отразить систему топосов, выстраивая ее на основе объективации социальных отношений. Однако чтобы последние воспроизводились, они должны быть интериоризованы, усвоены, каким-то образом интерпретированы агентами и превращены в практические схемы, в том числе и в схемы социального восприятия этих отношений, а следовательно, – позиций социального пространства.

Каждый топос являет собой различие, то есть совокупность всеми узнаваемых и признаваемых, институционально гарантированных практических схем, представляющих различия данного топоса от других как социально значимые, существенные. Однако отсюда вовсе не следует, что топосы существуют объективно или что агенты будут адекватно воспринимать топосы, которые социологи могут сконструировать с помощью статистического анализа. Это указывает на необходимость установления соответствия между системой топосов, сконструированной социологом на основе статистического анализа, и структурой практических схем.

Среди современных социологических конструкторов топология занимает особенное место потому, что сфера ее применения обусловлена не той или иной проблемой или темой, но фундаментальными уровнями конституирования. Первый уровень – это множество локальных социальных порядков, второй – пространственное представление социального мира.

В современном социально-теоретическом дискурсе попытка возвращения связности и субъективности сопровождается установлением представления о топологическом характере социальной реальности, где топосы могут пониматься не как просто некие отдельные, сингулярности поверхности социального тела, но как ее модусы, временные состояния пространственных структур.

Основным топосом социальной топологии становится «социальная дистанция», которая задается через социальное различие. Ее существование оказывается многомерным в пространстве различий. Анализ структуры социальной топологии открывает социальное пространство в динамике социальных различий так, что каждый ракурс пространства выделяется через определенного рода социальную дистанцию или социальное различие. Можно говорить о том, что социальное пространство, представленное как социальная топология, структурируется не столько количественными, сколько качественными отношениями.

Структура социального пространства, заданная как система точек и отношений между ними, трансформируется в топологическую структуру, где каждой точке соответствует топос «социальная позиция». Она оказывается

социологическим конструктом единицы социального пространства. Как точка социального конструирования или концептуальная позиция она задает определенную перспективу видения социальной топологии из заданной точки, конструируя способ представления социологических предметов в их непрерывных изменениях. Социальная топология одновременно отражает плюрализацию социальных порядков, раскрываясь через множество топосов "социальных позиций", при этом конституируя их как инварианты социальных свойств в пространстве совокупности свойств индивидуальных и коллективных агентов. Она предъясняется как некоторая структура свойств, взятых в их совокупности. Иначе говоря, ее существование раскрывается через множество локальных социальных порядков сгруппированных качеств, предъясняемых в дискурсивных практиках публичной политики. Динамика социальных качеств включает в себя социальные ресурсы как условия их осуществления. Пространство публичной политики оказывается конфигурацией политических дискурсов, которые обретают определенное расположение в конкретной ситуации использования социальных ресурсов, то есть конституируется как конфигурация отношений между топосами.

Социальная топология становится пространством концептуализации социальных явлений через установление отношений между ними, то есть выступает как система подмножеств множества социальных явлений, которые могут группироваться по принципу объединения и пересечения свойств любого числа подмножеств в пространстве социального мира. Неопределенная совокупность явлений социальной действительности, погружаясь в концептуальное пространство существования структурированных конфигураций качеств и отношений, обретает упорядоченность и связность. Концептуальная сетка оказывается своего рода фильтром, на котором «оседают» социальные явления, трансформируясь в связное единство социального мира. Происходит своего рода субъективация объективного.

Группы социальных явлений формируются близостью социальных феноменов, организуются как причинно-следственные ряды описаний социального мира, задавая топологию социального пространства. Его топосами становятся закрепленные легитимные отношения, задающие социальную дистанцию как порядок практических схем. Устойчивость их существования выражается как процесс воспроизведения повторяющегося «круга отношений». Всякий раз конструирование топосов предвдваряет выделение «социального круга» отношений социальной действительности. Этот процесс можно было бы представить как объективацию субъективного, однако, социальная действительность здесь оказывается существующей раньше, чем план концептуализации. Исходной точкой рассуждений является объективная социальная действительность как «до-социологический» объект, или «социальная вещь», который затем вписывается в концептуальную схему и только после этой процедуры подвергается вторичной субъективации в процессе интерпретации. Это значит, что здесь, скорее, происходит процесс субъективации объективного, который предъясняется в бесконечной отсылке к объективной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000.
2. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
4. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
5. Бурдые П. Поле литературы // Новое лит. обозрение. 2000. №45. С. 22-87.
6. Бурдые П. Практический смысл. М.: Изд-во Ин-та эксперим. Социол.; СПб.: Алетейя, 2001.
7. Бушмакина О.Н. Философия постмодернизма. Ижевск, 2003.
8. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М.: 1990.
10. Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Изд-во Ин-та эксперим. Социол.; СПб.: Алетейя, 2002.
11. Рено А. Эра индивида. СПб.: "Владимир Даль", 2002.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности М.: Касталь, 1996.
13. Шматко Н.А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социс. 2001. №9. С. 14-18.

Поступила в редакцию 05.02.07

М.А. Ryabov

Subjectivity in structure of the social topology

The critiques of postmodernism construct the disintegration of social space on separate singularities and its following elimination. Avoid this possible, considering social space as topological constructed surface. Wholeness of this structure is provided by its subjectivity.

Рябов Михаил Александрович
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: mikael2@udm.net.